

УСТЬ-ЛАБИНСКИЕ
ЗАРИСОВКИ

Людмила Гущина

Людмила Гущина

Усть-Лабинские зарисовки

«Издательские решения»

Гущина Л.

Усть-Лабинские зарисовки / Л. Гущина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960197-1

Своими воспоминаниями о светлом детстве, прошедшем на Кубани, я хочу поделиться с тобой, мой читатель. Все мы родом из детства... Эта книга была написана два года назад. Отдельные главы публиковались на сайте «Самиздат».

ISBN 978-5-44-960197-1

© Гущина Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Казачий быт детскими глазами	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Усть-Лабинские зарисовки

Людмила Гущина

Дизайнер обложки Виктория Чебанова

© Людмила Гущина, 2019

© Виктория Чебанова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-0197-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Писать мемуары – все равно, что показывать свои вставные зубы», – говорил Гейне. Я скорее дам себя распять, чем напишу книгу «Сама о себе». Не раз начинала вести дневник, но всегда уничтожала. Как можно выставлять себя напоказ? Это нескромно и, по-моему, отвратительно.

Ф. Раневская

Меня, как и многих взрослых, не оставляют воспоминания, связанные с детскими годами. Моё беззаботное детство прошло на кубанской земле.

В начальных классах школы нас повели в историко-краеведческий музей. Женщина-экскурсовод, подведя группу ребят к диораме с фигурками питекантропов, подчеркнула, что это далёкие наши предки.

Я была потрясена. Пристально всматриваясь в одинаковые кукольные лица обезьянолюдей, я пыталась понять, который из них мой.

– Вот этот мой! – вдруг сказала подружка Ирка, показывая на явного жожака, которого я уже выбрала. – У него волосы как у меня – рыжие.

Я опешила от такой наглости. Не ожидала, что подруга отнимет у меня моего прапра-

– Нет, этот мой! Он с палкой! Он вооружён, а значит, казак! – Я не могла, не хотела отдавать своего родственника даже лучшей подруге.

Дома попыталась всё связно рассказать, объяснить маме с бабушкой, отстоять свою точку зрения.

Бабушка ходила со мной в музей, осмотрела диораму, старательно приглядываясь и прищуриваясь. Всю жизнь она обходилась без очков. И сказала: «А нашего немає. Мабуть он в схроне як есаул».

Я была горда и счастлива. Я узнала, я нашла своего далёкого предка. И это осталось моей маленькой детской тайной.

Жизнь – странная, непонятная штука, похожая на картину.

Есть только миг между прошлым и будущим...

Чистый холст, чистое пространство. Это ты пришёл на Землю, ты родился, ты начинаешь свой путь на этой Земле. Возможно, в очередной раз.

Падают листья осеннего сада, в землю ложится зерно.

Что проходяще, а что остаётся – знать никому не дано.

Беглый мазок на холсте безымянном, вязи старинной строка.

Что остаётся, а что проходяще – тайна сия велика.

Это мой обожаемый Юрий Левитанский. В самую точку.

Картина загрунтована – повседневные не запоминающиеся будни. Их много, столько, сколько отпущено каждому Господом.

Жизнь наносит на холст мазки: робкие, несмелые, уверенные, размашистые. Воспоминания приходят в бессонные ночи, когда уже не хочется «считать верблюдов или баранов». В ночи болезни, горя, тревог, ожиданий – воспоминания приходят толпой незваных просителей, независимо от того, хочешь или не хочешь ты этого. Они настойчивы и не всегда доброжелательны и деликатны.

Мазок за мазком, картина окончена. Обсуждена, осуждена, обнародована и спрятана в зависимости от заслуг – у кого-то в музей-мавзолей, у кого-то в запасники, а у кого-то – в сырой подвал.

Бывали в жизни неблагоприятные поступки – мои и чужие: предательство друзей, близких, когда ты продавал душу, шёл на сделку с совестью. Бывали у всех, но не каждый осознаёт и сознаётся. Только все предают по-разному: кто-то перешагивает с революционной решимостью, кто-то помалкивает, сжав зубы, а кто-то сводит счёты с жизнью.

Мазок, мазок, и краска высыхает. Полотно закончено.

Казачий быт детскими глазами

В музеях эта экспозиция зовётся казачий быт. Он знаком мне с детства, он в моих воспоминаниях.

Я рисую. За окном – фиолетовый, с налётом седины, виноград с зелёными резными листьями. Я знаю, его зовут «Изабелла». Он покрыт тонкой серебристой паутиной, а в ней живут маленькие шустрые паучки. Я пока ни одного не поймала, как ни пыталась. И сейчас я рисую портрет паучка. Думаю, получится неплохо. Хотя ни одного паучка я еще не видела вблизи. Виноград заплёл весь двор. Совсем не видно неба, и даже дождь не проходит сквозь густую виноградную крышу.

Папа подарил мне большую коробку цветных карандашей и толстый альбом. Я знаю все цвета, люблю рисовать и обязательно стану известным художником.

Тётушка Валя, папина сестра, принесла новые краски и кисточку. Она сказала, для того, чтобы стать настоящим художником, мне надо научиться писать портреты, а для этого необходимо быть очень наблюдательным человеком. Она сама великолепно вышивает гладью, крестиком. У нас на стенах в каждой комнате висят её вышивки. Все её работы очень яркие, сочные и праздничные. Эти «живые картины» создают красоту в нашем доме.

Маму с братиком положили в больницу. Бабушка была занята на огороде, а тётушка и папа с утра до ночи пропадали на работе. И мне предложили такой вариант, вернее, вариант напрашивался сам собой. Я буду сопровождать папу в рейсах на элеватор, ему как раз надо возить зерно с тока, и у него до сих пор нет напарника. Теперь я – его напарник. А с сентября я начну учиться, но только не в школе, а в детском садике.

И вот мы едем с напарником на грузовике. Меня разбудили рано, я хотела ещё поспать. Жарко. Сиденье очень горячее, хочется пить. Компот в бутылке уже закончился. И всё в кабине пропахло бензином, горячей расплавленной резиной.

Меня совсем разморило. Папа открывает окно в кабине, но только возле себя, чтобы меня не продуло. Вместо прохладного свежего ветерка в кабину врывается раскалённый воздух, но мне уже всё равно. Спать, спать... А машина всё едет и едет, и не видно конца и края этой бесконечной дороге.

Мы делаем уже третью ходку на элеватор. Как я узнала недавно, это такая высокая башня, в которой хранится зерно. Наверное, в башне живёт прекрасная принцесса. Конечно, кто же еще может жить в таком замечательном месте? Только прекрасная принцесса, в ожидании рыцаря, который освободит её из заточения и увезёт в тридевятое королевство. А пока храбрый рыцарь ещё в пути, принцессе ничего больше не остается, кроме как ждать, грустить и охранять зерно.

Как только я вернусь домой, то обязательно нарисую всё, что сегодня увидела. И огромную башню без окон и дверей, и прекрасную принцессу.

Альбом и цветные карандаши остались дома, а в кабине у папы не нашлось даже маленького листочка бумаги. И я вглядываюсь в горизонт, пытаюсь запомнить картинку до малейших деталей, чтобы потом ничего не забыть и не упустить. Надо быть очень наблюдательной, чтобы со временем стать известным художником.

Жёлтая-жёлтая степь, синее-синее небо. Голубой воздух звенит и поёт, зеленые деревья призывно машут мне ветвями. А белое лохматое облачко одно в большом небе. Оно улыбается мне с высоты и все больше напоминает воздушную мыльную пену в тазу. Мне очень хочется домой. Подбежать бы к цинковой ванне и окунуться в прохладную воду. Но до дома ещё далеко, и я снова засыпаю.

– Обед! – едва слышно доносится до меня голос папы. – Просыпайся, напарник!

Я вылезла из душной кабины и присела рядом с ним на ватник. Папа развернул узелок. Бабушка собрала в дорогу харчи. Харчи – это наша еда: яйца, хлеб, огурцы, сало, помидоры и лук.

Неожиданно из-за акации показалась подвода. На ней восседал маленький старичок, похожий на сказочного гномика: «А вот и холодная водичка, работнички!»

У гномика нет, наверное, половины зубов. И тётушка сказала бы, что с ним надо серьёзно поработать.

На подводе стоит огромная бочка с деревянной крышечкой, ведро и маленький ковшик. Я беру ковшик, черпаю воду. От холодной воды болят сразу все зубы, трудно дышать. Наверное, зубы выпадут, и я тоже стану гномиком. Но я продолжаю пить, пью и не могу напиться. Потом, оторвавшись от ковшика, обливаю плечи, спину и ноги.

В бочке плавают длинные зелёные нитки бус.

– Папа, а зачем здесь эти бусы? Их потеряла принцесса, а добрый дедушка-гномик спрятал в бочке, чтобы их не украли? – Я вопросительно смотрю на папу.

– Вот выдумщица, – смеётся он. – Это «чёртов орех». Его кидают в бочку, чтобы вода не выплескивалась, когда этот скакун пойдёт рысью. А ты зачем облилась? Водичка – студёная криница, близко до больницы. Теперь заболешь, напарник.

– Дык, и по стерне ходила, смотри, все ноги до колен поцарапала, – погрозил мне пальцем весёлый водовоз. – Тута змеи есть, они мышек-полёвок гоняют. Их комбайны растревожили. А у тебя и платье-то с подпояской, попадёт чего за пазуху, так не вытрясешь ужо.

Мне становится страшно, и я больше не хочу гулять по степи и трясти «ужо».

Лошадь в упряжке машет мне хвостом, а я глотаю слёзы. Я не люблю, когда меня ругают, а лошадь меня жалеет. Лошадь старая, облезлая, вся шкура в пятнах. Вокруг нее роятся мухи. Я плачу еще громче. Теперь мне жалко не только себя, но и лошадь.

– Погоняй слепней, деточка. Заели, проклятые, Лысуху. – Старичок протягивает мне большую колючую ветку акации. На ней красивые гроздьи белых цветов. Это кашка, она вкусно пахнет.

Я стучу по спине лошадку. Не больно? Нет, лошадке нравится. Она фыркает и бьёт копытом. Слепни – это, наверное, слепые голодные волки из лесопосадки. Очень злые. А дедушка – добрый. Папа называет его водителем кобылы.

– Да не кобыла это, а мой напарник, – смеётся «водитель», и Лысуха важно кивает головой. Дедушка даёт папе целую кошёлку маленьких пёстрых яичек: «Это Перепёлкины, она не вернулась в гнездо».

– Сегодня по такой жаре мы и перепелов будем выводить в машине! – Папа весело подмигивает старичку. А мне жалко Перепёлкину мать. Придёт в гнездо, а деток нет. И я опять начинаю плакать.

– Внучечка, не плачь, – вздыхает дедушка и гладит меня по голове. – Оплошал я маленько. Это ж специальнаи яйца для еды, – он подмигивает папе. – Перепёлка их в ларьке купила. А пишла собирать цветы, да и оставила за ненадобностью, тута я на них и набрёл.

Вот это мне нравится. Я вытираю слезы и бегу собирать полевые цветы. Синие васильки, красные маки, белые ромашки. Добавляю в букет жёлтые колосья ячменя с усами, мохнатый сиреневый клевер, лиловую медуницу. Я бегу к машине, а за мной летят пчёлы. Хотят отнять сорванные цветы.

– Извините, пчёлки, – строго говорит папа. – Что с возу упало, то пропало. Букет теперь наш. У вас ещё гречихи да акации много. Варите степной мёд. Ждите в гости!

Так вот кто, оказывается, вкусный мёд варит! А я думала, что его цыгане на базаре делают или тётушка стряпает. Она частенько приносит мне разный мёд в баночках. И липовый, и горный, и цветочный. Белый и жёлтый я люблю, а чёрный горный мед – горький и совсем несъе-

добный. Но очень полезный и лечебный, как говорит тётушка. Теперь я знаю, что его варят чёрные полезные пчёлы.

Машина увозит меня все дальше от Лысухи. И вот на пригорке снова показалась башня «без окон и без дверей».

– Ну-ка высаживай свой подарок, – кричит весёлая девушка в платочке. – А то ещё полтонны добавим к весу.

– Вот пересмешница! Шла бы лучше, работала! – ругает её добрая тётенька, подоспевшая к папе на подмогу. – Сиди, дитятко. Намаялась, поди, по жаре да в чаду. Уже пятую ходку делаёте. А тебе, Лёшка, и твоей принцессе кавуны привезли, забирай!

Так, значит, принцесса все-таки выйдет из башни, и мы вместе с ней будем есть сладкие арбузы?

Какие они разные, эти арбузы. Есть маленькие, тёмно-зелёные, с малюсенькими чёрными косточками. Даже я могу поднять такой арбуз. А есть огромные светло-зеленые полосатики. Такие арбузы папа берет в руки только по одному.

Долгожданная принцесса к нам так и не вышла. Видно, у нее много дел или она не любит арбузы.

И мы отправились домой, нас с папой очень ждут с работы.

– Принимайте жареную красавицу с жареным букетом! – кричит папа, заходя в хату.

– Да вона уся сожглася, – охает сердобольная бабушка. Меня мажут сметаной и на лоб кладут смоченный ледяной водой платочек.

Я заболела. Поднимается температура, и клонит в сон. Мне снится степь, мышки-полёвки, лошадка Лысуха и Перепёлка в магазине, полном специальных яиц, предназначенных для еды.

– А где тут моя больнушечка? – В комнате появляется тётушка. – Добытчица ты наша, сколько арбузов заработала. На всех хватит! Будем тебя лечить и заберем маму с братиком из больницы домой. Они уже поправились.

Ну, вот мама и братик Вова дома. Температура спала, и я снова рисую. Это мой папа. Его зовут Алексей Андреевич, но все называют его просто Лёша или Лёха. А ещё – «парень из нашего города» и «чубчик кучерявый». Он у меня очень сильный и весёлый. У нас большая семья. Бабушка, мама, братик, тётушка. А ещё овцы, козы, поросята, птица и «анчиболы».

– Ишь, опять анчиболов развели! – так говорит бабушка, когда сердится. Это она про папиных голубей и кроликов.

Мне так хорошо. Бабушка сидит на кухне у окна. В углу под потолком на узорной полочке божница, много икон. Они смотрят строго, укоризненно, не улыбаются, словно следят за нами и осуждают.

– Лицами зачернелись, беда будя, – печально вздыхает бабушка и крестится. В комнате горит лампадка. Кого-то поминают или готовятся к празднику. Приятно пахнет воском и ладаном. Горят тонкие жёлтые свечки. Из-за большой иконы Николы Чудотворца, покровителя всех казаков и нашей семьи, торчат веточки вербы и сухие головки мака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.